

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

Виктория ПАНКРАТОВА,

старший преподаватель кафедры юридических дисциплин
Сумского филиала Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

A legal analysis of the concept and content of the principle of legal certainty, examined the features and the scope of its use in the practice of the European Court of Human Rights. The article draws attention to the law uniform application. This is because uniform application mode is extremely important for proper protection of human rights and freedoms. In conclusion, need for legal certainty principle study is justified, as it is a set of requirements to organization of the legal system in order to ensure human stable legal status.

Key words: European Union, European Union sources of law, principle of law, rule of law, legal certainty, the European Court of Human Rights.

Аннотация

В статье проведен анализ содержания принципа правовой определенности, исследованы особенности и сфера его использования в практике Европейского Суда по правам человека. Внимание уделено одинаковому применению закону, ведь режим одинакового применения крайне важен для надлежащей защиты прав и свобод человека. В качестве вывода обосновывается необходимость исследования принципа правовой определенности, поскольку он представляет собой совокупность требований к организации правовой системы с целью обеспечения стабильного правового положения человека.

Ключевые слова: Европейский Союз, источники права Европейского Союза, принцип права, верховенство права, правовая определенность, Европейский суд по правам человека.

Постановка проблемы. Вопросы о юридической природе принципов права, их классификация всегда относились к числу актуальных проблем юридической науки. Это закономерно, ведь именно в принципах права всесторонне отражена его суть.

Понятие «принцип» в переводе с латинского означает «начало», «первооснова», «первичность». Издавна принцип считался основой, фундаментом любой социальной системы (в том числе правовой). Известное выражение Гельвеция – «знание принципов права возмещает незнание некоторых фактов» – подтверждает важность изучения основных начал любой деятельности.

Одним из основных принципов правовой системы считается принцип правовой определенности, который предполагает возможность гражданина в разумных пределах и при определенных обстоятельствах предусматривать юридические последствия своих действий. В последнее время принцип правовой определенности часто рассматривают как принцип, обеспечивающий стабильность вступивших в законную силу решений (res iudicata) благодаря Постановлениям Европейского суда по правам человека, осудившим практику отмены вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора [9].

Актуальность темы. Исследованиями в данной сфере занимались Л. Бога-

чова, В. Кернз, Н. Козюбра, Т. Назаренко, С. Погребняк, Л. Ушакова, А. Тагам, Ф. Хайек, А. Султанов и другие.

Несмотря на всю важность вклада ученых в исследование такой многогранной проблемы, как принципы права и, в частности, принцип правовой определенности, нельзя не обратить внимание на то, что в данной сфере остается ряд «открытых» вопросов, в том числе с точки зрения сущности принципа правовой определенности в европейском праве, что делает данную тему актуальной.

Целью статьи является исследование особенностей принципа правовой определенности в европейском праве.

Изложение основного материала исследования. Право Европейского Союза (далее – ЕС) объективируется и воплощается в большом количестве источников, которые отражают различные правовые традиции государств-членов этого межгосударственного объединения. Наиболее распространенным в отечественной и западной правовой мысли является подход, согласно которому круг источников права ЕС составляют первичное и вторичное законодательство ЕС, прецеденты Суда ЕС, международные договоры с третьими странами и международными организациями. Однако, какими бы исчерпывающими эти источники не были, они не охватывают своим регулированием всех вопросов в праве ЕС. Видимо, поэтому в

последнее время очевидным является усиление акцента на применение общих принципов права, которые есть составной частью неcodифицированного (неписаного) права ЕС [1, с. 265].

Спектр взглядов по определению конкретного перечня и содержания общих принципов, действующих в ЕС, является достаточно широким. Одну из самых полных классификаций приводит британский ученый В. Кернз, который считает, что право ЕС включает в себя следующее: общие принципы, которые происходят из природы права ЕС; общие принципы международного права, общие принципы, которые являются общими для правовых порядков нескольких государств-членов. Последняя группа принципов состоит из принципа правовой определенности; принципа законных ожиданий; принципа пропорциональности; основных прав человека [2, с. 104].

Алан Тагам также к общим принципам права ЕС относит принцип правовой определенности [3, с. 95].

С анализа трудов по классификации источников права ЕС, можно сделать вывод о том, что принцип правовой определенности относится к общим принципам права, а также является составной частью верховенства права.

Так, Венецианской комиссией было проведено исследование, результаты которого были отражены в Докладе о верховенстве права (март 2011 г.). По ре-

зультатам исследования Венецианская комиссия пришла к выводу, что составляющими принципа верховенства права являются следующие: законность; правовая определенность; запрет на произвол; доступ к правосудию, обеспечиваемому независимыми и беспристрастными судами, в том числе судебное рассмотрение административных актов; соблюдение прав человека; недискриминация и равенство перед законом. И указано, что принцип правовой определенности является важнейшим для обеспечения доверия к судебной системе и верховенству права [4].

Как указывает Л. Богачова, европейский принцип правовой определенности происходит от немецкого принципа *Rechtssicherheit* (дословно – правовая безопасность), целью которого является обеспечение четкости содержания законодательства и который преимущественно применяется по делам о ретроактивных действиях законодательства; принцип защиты законных ожиданий происходит от немецкого *Vertrauensschutz* (дословно – защита доверия), цель которого – обеспечение того, чтобы каждый, кто имеет доверие к легальности решений и действий публичной администрации, подлежал защите [5, с. 4].

В. Анишина, Т. Назаренко отмечают, что в настоящее время принято употреблять наименование данного принципа в сокращенном виде *res judicata*, что в переводе с латинского языка дословно означает «решенное дело». В узком значении *res judicata* является традиционной категорией римского права, означавшей недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением. Если такое решение принято, то в силу исключительности уже состоявшегося решения или тождественное дело подлежит прекращению, о чем выносятся соответствующее постановление.

Вместе с тем содержание данного принципа, первоначально достаточно узкое, со времени применения и толкования его Европейским судом значительно расширилось.

В своем основном значении принцип правовой определенности, прежде всего, предполагает стабильность правового регулирования и существу-

ющих правоотношений. Правовая определенность необходима для того, чтобы участники соответствующих отношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения, быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей. Указанный принцип в рассматриваемом аспекте имеет целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно прогнозировать результат своих действий, дать надежду, что их права будут защищены, принципы разрешения спора правоприменителем будут прогнозируемы и предсказуемы, не будут меняться от случая к случаю, а будут гарантировать стабильность [6].

Следует отметить, что в учредительных договорах ЕС принцип правовой определенности не закрепляется, однако Судом ЕС он признается одним из общих принципов европейского права и предполагает следующее:

- стабильность правового регулирования;
- исключает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения норм права;
- обеспечивает единообразную правоприменительную практику;
- дает гарантии государственной защиты граждан;
- дает возможность участникам соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, а также приобретенных прав и обязанностей [7, с. 108].

Наиболее широко принцип правовой определенности используется Европейским судом по правам человека при обосновании принятых решений. Как указывает А. Рукавишникова, Европейский суд по правам человека рассматривает и использует такую категорию, как «правовая определенность», в нескольких значениях. Во-первых, как требование, обращенное к национальному законодателю. Прежде всего, это требование касается законодательного процесса, итогом которого становится появление правовой нормы, что, по мнению Европейского суда по правам человека, должна отвечать требовани-

ям точности, недвусмысленности, ясности содержания. Согласно позициям Европейского суда по правам человека, закон должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия.

Во-вторых, как требование к судебному решению, к итогу правоприменительной деятельности. В этом случае Европейский суд по правам человека рассматривает требование правовой определенности в двух аспектах: как требование к самому судебному решению (его ясности, непротиворечивости, мотивированности), то есть к его содержательной стороне; так и требование в смысле «устойчивости» окончательного судебного решения в целом, призванного быть стабильным регулятором общественных отношений. Констатируя нарушение принципа правовой определенности в содержательном аспекте, Европейский суд по правам человека отмечал, что противоречивые решения высшего национального суда сами являются источником правовой неопределенности и нарушают право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8, с. 74–75].

Из выше указанного можно сделать вывод о том, что из принципа правовой определенности следуют требования к правотворчеству и правоприменению. Рассмотрим эти требования более детально, опираясь на решения Европейского суда по правам человека.

Как справедливо указывает А. Султанов, требование определенности – важнейший конститутивный признак норм права как системы социальных норм. Формальная определенность права – его важнейший признак, без которого права в принципе быть не может. В подтверждение данного тезиса ученый приводит решение по делу «Маркс против Бельгии» от 13 июня 1979 г., в котором Европейский суд по правам человека подчеркнул, что принцип правовой определенности «неотъемлемо присущ праву Конвенции» (п. 58), а также Поста-

новление по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства» от 26 апреля 1979 г. (Sunday Times v. United Kingdom) (N 1), Series A, N 30, § 49) [9].

Как акцентирует Г. Богуш на примере уголовного права, неопределенная норма является на практике ретроактивной, так как ее адресат не может соотноситься с такой нормой свое поведение и прогнозировать его правовые последствия. Несложно увидеть, что в таком случае отсутствует психологическая связь между законом и правонарушителем и, следовательно, имеет место объективное вменение. Наконец, полностью нивелируется регулятивная функция уголовного закона [10].

В п. 41 Постановления Европейского суда по правам человека от 22 октября 2007 г. по делу «Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли против Франции» Европейский Суд по правам человека указал, что норма не может считаться «законом» в значении положений п. 2 ст. 10 Конвенции, если она не сформулирована с точностью, достаточной для того, чтобы гражданин мог регулировать свои действия; он должен быть способен, если необходимо, с помощью соответствующей консультации, предвидеть в разумной при тех или иных обстоятельствах степени последствия, к которым может привести то или иное действие. Эти последствия не должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью. Хотя определенность желательна, она может привести к избыточной жесткости, а закон должен быть способен приспособляться к изменяющимся обстоятельствам. Поэтому многие законы неизбежно сформулированы в большей или меньшей степени расплывчато, а их толкование и применение – вопросы правоприменительной практики. Европейский Суд по правам человека также напоминает, что охват понятия предсказуемости в значительной степени зависит от содержания соответствующего текста, сферы, которую он призван регулировать, и числа и статуса тех лиц, к кому он обращен [11].

Что касается правоприменения, то целесообразно называть требования, которые вытекают из принципа правовой определенности и наработаны практи-

кой Европейского суда по правам человека. На наш взгляд, достаточно полно и комплексно их изложила Л. Ушакова в своей научной статье «Принцип правовой определенности как элемент нормативно-правовой конструкции социального государства» [12, с. 4–5]. Согласно данной статье, Европейский суд по правам человека включает в содержание принципа «правовой определенности» следующие положения:

– *принятые судами «окончательные», т. е. вступившие в законную силу, судебные постановления не подлежат пересмотру.* Анализируя данное положение, на наш взгляд, целесообразно привести Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Брумареску против Румынии» (Brumarescu v. Romania) от 28 октября 1999 г. Так, в п. 61 Постановления указано: «Одним из основных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует *inter alia*, чтобы при окончательном разрешении дела судами их постановления не вызывали сомнения» [13].

К сожалению, положение про окончательность судебного решения зачастую нарушается. Европейский суд по правам человека подчеркивал, что существование в ряде стран Восточной Европы, таких как Российская Федерация, Молдова и Украина, процедуры надзорного производства породило ряд спорных вопросов с точки зрения ст. 6 Конвенции и принципа правовой определенности (см. судебное решение, вынесенное по делу «Рябых против Российской Федерации» (Ryabykh v. Russia) № 52854/99 ЕСПЧ 2003-IX). Суд пришел к общему выводу, что в рамках указанных правовых систем отмена окончательных судебных решений (при этом речь идет не только о решениях по уголовным делам) является нарушением принципов недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела (*res judicata*) и правовой определенности, а следовательно, и положений ст. 6 Конвенции. Нарушение, однако, является результатом принятия судебных актов, отменяющих окончательные решения, а не следствием той или иной позиции, которую занимал при рассмотрении этих дел прокурор [14];

– *недопустимо повторное рассмотрение однажды разрешенного*

судом дела. Принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу [15];

– *пересмотр «окончательного» судебного решения не является отступлением от принципа правовой определенности, если он осуществляется в целях исправления судебной ошибки, неправильного отправления правосудия;*

– *пересмотр ставшего обязательным для сторон решения суда вышестоящим судом недопустим по заявлению государственного должностного лица.*

Следует обратить внимание на тот факт, что принцип правовой определенности также требует обеспечения исполнения судебных решений. Судебные решения, вступившие в законную силу, являются обязательными для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, их должностными и служебными лицами, физическими и юридическими лицами и их объединениями на всей территории государства. В деле «Серинг против Соединенного королевства» (решение от 07 июля 1989 г.) Европейский суд по правам человека определил, что Конвенция как правовой акт, обеспечивающий защиту прав человека, предполагает, что ее гарантии должны быть реальными и эффективными. Кроме того, любое толкование прав и свобод, гарантируемых, должно соответствовать общим чертам Конвенции, цель которой – обеспечение и развитие идеалов и ценностей демократического общества. Таким образом, на государстве лежит прямая обязанность соблюдать гражданские права лиц и обеспечивать надлежащее и своевременное исполнение решения суда, вступившего в законную силу [16].

Выводы. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что принцип правовой определенности является одним из основных

принципов европейского права, выступает как общеправовой принцип и часто используется в практике Суда ЕС и Европейского суда по правам человека. Данный принцип является эффективным условием действия верховенства права и правовым ориентиром для национального законодательства с целью обеспечения стабильного правового положения человека путем усовершенствования процессов правотворчества и правоприменения. Соблюдения принципа правовой определенности является залогом стабильного правового положения человека; уверенности в эффективном действии правотворческих и правоприменительных органов.

Список использованной литературы:

1. Стрельцова О.В. Загальні принципи права як джерело права Європейського Союзу / О.В. Стрельцова // Правова держава : щорічник наукових праць Ін-ту держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. – Вип. 14. – К., 2003. – С. 265–269.
2. Кернз В. Вступ до права Європейського Союзу / В. Кернз ; пер. з англ. – К. : Знання, 2003. – 381 с.
3. Тагам А. Право Європейського Союзу / А. Тагам ; пер. з англ. – К. : Абрис, 1998. – 424 с.
4. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDLAD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDLAD(2011)003rev-rus).
5. Богачова Л.Л. Принцип правової визначеності в європейському і національному праві (змістовна характеристика) / Л.Л. Богачова // Теорія і практика правознавства. – 2013. – Вип. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/tipp_2013_2_74.pdf.
6. Анишина В.И. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе / В.И. Анишина, Т.Н. Назаренко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.journal-nio.com/index.php?id=1957&Itemid=117&option=com_content&view=article.
7. Козлова М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) / Ю.М. Козлова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2011. – № 2 (15). – С. 108–112.
8. Рукавишника А.А. Генезис категории «правовая определенность» в современной юридической науке / А.А. Рукавишника // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (13). – С. 71–81.
9. Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность / А.Р. Султанов // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 58–61. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=1970>.
10. Богуш Г.И. Определенность уголовного закона: практика Европейского суда по правам человека / Г.И. Богуш // Закон. – 2012. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.center-bereg.ru/o1810.html>.
11. Прецеденты Большой палаты Европейского суда по правам человека по странам-членам Совета Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://european-court.eu/uploads/ECHR_Lindon_Otchakovsky_Laurens_and_July_v_France_22_10_2007.pdf.
12. Ушакова Л.В. Принцип правовой определенности как элемент нормативно-правовой конструкции социального государства: Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования / Л.В. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.problemanalysis.ru/Dokladi2/Ushakova.pdf>.
13. Постановление Европейского суда по делу «Брумареску против Румынии» (Brumarescu v. Romania) от 28 октября 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://european-court.eu/resheniya-evropejskogo-suda-narusskom-yazyke/brumaresku-protiv-rumynii-postanovlenie-bolshoj-palaty-evropejskogo-suda>.
14. Обзор судебной практики Европейского суда по правам человека: роль прокурора при рассмотрении дел, не относящихся к сфере уголовного права / Европейский суд по правам человека, март 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_prosecutor_RUS.pdf.
15. Гончарова М.В. Недопустимость повторного рассмотрения од-
нажды решённого дела / М.В. Гончарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://goncharovamv.pravogub.ru/personal/24390.html>.
16. Виконання судових рішень у практиці Європейського суду з прав людини [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.zlomynoga.com/2010/12/evropejskiy-sud-provykonannia-sudovyh.html>.